И снова дунул весенний ветерок, шелестя пышными розовыми лепестками… Линь Фан наблюдал их мирный шелест пару мгновений; потом он прошёлся взглядом вдоль высокого железного ограждения, затворявшего школьный дворик. Из-за этого ограждения во дворике едва ли можно было размять ноги, в то время как по другую его сторону молнией мчался в голубые дали свежий зелёный луг…

Мужчина прищурился и наконец он взглянул на девочку, которая продолжала упорно вжиматься лбом в землю. Линь Фан посмотрел на неё, повернулся и пошёл зелёными холмами да кочками к себе домой.

Пока он шёл, голубое небо желтело, наливаясь золотистым лоском, который разливался ещё и по траве. Вот мужчина забрался на холмик. Пошёл вперёд. Его ноги сами по себе стали быстро сбегать по склону — не очень крутому, однако так уж устроены ноги, что пускаются в бег, когда под ними любой, даже самый лёгонький спуск… Линь Фан спустился. И стал подниматься на другую возвышенность, дальше шагая среди зелени, вдыхая остывающий воздух, в котором витал непонятный арбузный аромат.

Взойдя на очередной холмик, мужчина взглянул на возвышающуюся над ним бетонную вилку и положил на неё руку. Это был генератор погоды. В первоначальном своём обличии луна-свалка, родина Линь Фана, представляла собой тёмную и «безумную» каменную глыбу, утрамбованную многометровым слоем мусора. Отходы сюда свозили и сбрасывали как заблагорассудиться, совершенно не заботясь о соблюдении стихийного баланса. Поэтому климат на луне был пёстрым как одежды местных жителей, испещрённые заплатками. Холодные тундры, жаркие пустыни… Можно было встретить всё что угодно, и только умеренной температуры нигде не было. Изначального платья не осталось, только заплатки. В местах наибольшего дисбаланса и вовсе витали смертоносные миазмы, а соответственно и злые духи Гу.

Для тогдашнего населения луны, для отбросов, среди которых не было культиваторов, даже самые слабые Гу были страшны как демоны из Подземного Мира…

Но потом всё изменилось. Установили вот такие вот бетонные вилки. Хотя на самом деле их внешнее обличие — это только верхушка айсберга, антенна, в то время как само устройство, регулятор Ци, который циркулирует его по всей поверхности космического тела, распределяя концентрацию и поддерживая среднюю температуру, находилось в земных недрах. Это была махина стоимостью в множество десятков миллионов духовных кредитов, и обычно такие аппараты размещали только на планетах, на которых находились залежи ценных минералов и Духовных кристаллов, ну или древние руины, для более удобного ведения копательных работ или раскопок. Было неслыханно, чтобы такая штука стояла на помойке.

Многие бюрократы, через руки которых проходила бумажка с соответствующим приказом — и списком приоритета снабжения, в котором обыкновенная свалка находилась едва ли не в середине, рядом с местами куда более значимыми и даже имеющими название, — сперва думали на ошибку, потом — на хищение федерального бюджета. Бюрократы подавали рапорты, эти рапорты читали и отвечали на них отписками, что луна эта была в привилегированном положении, потому что «являлась памятником культурного достояния Федерации»… А затем совершенно растерянным бюрократам напоминали, что здесь была родина великого героя, Фан Линя.

Многие смущались и немедленно замолкали. А если даже и тогда находились недовольные, которые разумно замечали, что благодарность герою, это, конечно, хорошо, и культурная ценность, — это тоже ценность, ведь культура есть кровь народа, как говорил о ней прошлый

президент, но всё-таки… Так вот, если они были против и пусть сдержанно, но намекали на излишество подобных мер, этих чиновников немедленно смещали с должности Президентским указом.

— … — Линь Фан без улыбки провёл своей мягкой и морщинистой рукой, с большим шрамом на ладоне, по уходящей в желтоватое небо бетонной вилке. Затем мужчина оглянулся и недовольно прыснул. Несколько минут он предавался воспоминаниям возле прибора регулирования Ци в скромной надежде, что девчонке надоест и она отстанет. Не надоело, не отстала. Она всё ещё стояла рядом и пялилась на него, ну точно привязавшийся злой дух.

Мужчина недовольно взглянул за шоссе, на свалку, где уже рядом был его дом. Линь Фан поправил пояс и пошёл туда ускоренным шагом. Мая сразу пошла за ним, приближаясь то на три, то на пять метров, но никогда не отставая дальше шести.

Линь Фан пробежался по лестнице, а потом вдруг спрыгнул, когда оставалось ещё пять ступенек, и приземлился на грубую землю свалки, — мужчина был слишком на нервах, чтобы спуститься, как подобает в его возрасте. И немедленно он пожалел об этом, потому что сильно заныли и захрустели ноги. Он сжал зубы, с трудом выпрямил скрипящую спину и пошёл дальше. Мужчина повернул возле кучи мусора, прошёл мимо почтового ящика и встал на пороге своего жилища.

Потом он услышал за спиной какой-то шум, как будто кто-то, — интересно, кто? — случайно повалил нагромождение мусора.

Ба-бах.

— Я, я сейчас всё уберу… Так, это сюда, это туда… Так? Нет, наверное нет. Тогда…

Линь Фан медленно потирал свои брови.

Меж тем Мая после своего вскрика как будто обрела голос. Как будто пробку выбило, и она снова не смущалась говорить:

— Вы тут живёте, Мастер? Я…

— Слушай меня… — заговорил Линь Фан, держась за дверную ручку.

— Слушаю.

— …И не перебивай… Видела двор, я имею в виду школьный? Знаешь почему он такой мелкий и нелепый? Зачем это ограждение, хотя вокруг такой простор, а дети у нас только взрослые, не убегут?

Мая молчала.

— Это потому что такой «стандарт». Все школы приказано строить так и только так, они у нас унифицированы, но что нормально для экуменополиса, где не протолкнуться, то ни к чёрту… Здесь.

Он вложил вторую руку в карман.

— Не знаю, что ты там себе вообразила. Что я какой-то там великий мастер, которого можно найти по дешёвке… Сломанные дорогие часики. Ну да, наверное, среди всех, кто был силён как

Звёздный Владыка, ко мне на аудиенцию попасть легче всего выходит. Я сам плачу моим шлюхам. Но всё равно, ты головой подумай. Ты видишь где я? На дне. Я знаю уже, наверное, меньше чем твой учебник. Если я был силён, это когда было? — дверная ручка дёрнулась. — А этот твой хват?.. Ты мечница. Я не мечник. Чему мне тебя учить? Культивации? У меня её нет, — сказал мужчина улыбаясь.

— Мастер должен не только давать советы и на вопросы отвечать, он должен… защищать своего ученика, ресурсы ему дарить, в таком духе. Что я тебе подарю? Недопитую полторашку? Лучше… Учись в школе нормально, но не в этой, и не у меня. Не знаю, как ты меня нашла, но раз у тебя это вышло, значит должны быть ресурсы. Используй их. Социальные лифты у нас тоже вроде работают, если у тебя есть талант, тебя найдут, а если нету, — мужчина зашептал. — То у меня, знаешь ли, тоже больше нету.

Линь Фан открыл дверь и взглянул на укромный и приятный мрак своего дома. Мужчина поднял ногу, чтобы ступить в него и больше никогда не видеть и не слышать этого ребёнка.

— Мастер…

— Я сказал… — мужчина вдруг рассвирепел, повернулся и загремел голосом, пылая бешеными глазами… А потом вдруг увидел девочку, как она сейчас выглядит, и замолчал.

Мая повесив голову сжимала кулачки. На её лицо опустились тёмные локоны, и светлого личика девочки теперь было почти не видно. Она сглотнула, жалко улыбнулась и заговорила, подрагивая то ли от прохладного ветра, то ли от своего собственного голоса:

— Мастер, я… На самом деле я всё знаю, и понимаю, но мне не важно… Я… Я не хочу учиться у вас, чтобы стать сильной… Нет, я хочу, но… Это не то… Не главное. Просто, я знаю много сильных воинов, я видела их, читала про них, но вы… Вот вы победили Секту Тёмной Стороны Солнца, вы проникли в неё под прикрытием, хотя это было очень опасно, и вас могли убить, но вы всё равно это сделали… А потом вы сражались за Небесное сокровище, один против сотен, и вы победили… Но… Мастер, я знаю, что вы на самом деле не убили его. Бессмертное сокровище – живое. Если его съесть можно получить силу как у Звёздного Владыки, а Звёздный Владыка может стать ещё сильнее, Магистром… Но вы всё равно его не съели и отпустили…

— А потом вы сражались против Гу, Мастер. И вы не бежали. Любой другой… Он бы сбежал, точно, а вы не сбежали… Мастер, я… Я хочу чтобы вы были моим Мастером, — выдохнула девочка и свалилась красноватыми коленками на грязную землю.

— …Очень мило, а теперь проваливай, — спокойно произнёс Линь Фан, вошёл к себе домой, захлопнул дверь и замер. Мужчина приставил ладонь к своему лицу и едва ли не минуту просто стоял неподвижно; потом он посмотрел на мусор у себя на полу, на упаковки, бутылки, коробочки и прочий хлам, из-за которого перемещаться внутри помещения было невозможно, растолкал это всё и беспомощно свалился на свою скрипящую кровать. Линь Фан прикрыл глаза.

Спустя примерно двадцать минут мужчина очнулся от полудрёмы, завалился на бок и посмотрел на стопку журналов в углу комнаты, политую, как блинчики сиропом, старым жиром. Затем он покосился на свой громоздкий телевизор и потянулся было к пульту, но сдержал себя и снова развалился на скрипучем матрасе. И наконец, пролежавши ещё минуту, Линь Фан медленно встал на ноги и кое-как добрался до своего холодильника. Внутри было пусто. Мужчина некоторое время пялился в его тёмную, тихую пустоту, а потом резким движением вернулся на кровать, схватил свою подушку, открыл застёжку и стал высыпать её

содержимое на мятое покрывало. Вскоре среди перьев блекло засияло несколько голубоватых купюр. Мужчина запихнул их в карман потёртого пиджака и выглянул в окно. На своём дворе, забитом мусором, он разглядел очертания тощей девочки, которая всё ещё лежала, склонившись головой о голую землю. Мужчина заскрипел зубами и вышел на улицу. Сразу же повеяло холодом, и Линь Фан невольно вздрогнул.

Ночью устройство регулирования Ци переводили в экономный режим, и температура на свалке опускалась ниже десяти градусов, так что утром она всегда серебрилась от инея.

Линь Фан вышел во дворик и посмотрел на Маю, — девочка не шелохнулась. Как будто примёрзла к земле. Мужчина прошёл мимо неё и пошёл на шоссе. В какой-то момент, поднимаясь по ступенькам, он остановился и крикнул:

— Возвращайся домой…

— Нет! — немедленно раздался ответный крик.

Линь Фана всего передёрнуло, сперва от злости, а потом ещё раз, от холода:

— Тогда мёрзни… — прошептал он и прошёл ещё пару ступенек…

Остановился.

— Дверь открыта, можешь погреться, но ничего не трогай, — вдруг добавил мужчина и быстро побежал по лестнице…

— Как скажите мастер… Мастер, а… где у вас туа…

— На улице! — закричал Линь Фан, запрыгнул на верх лестницы и едва ли не рванул вдоль шоссе. Он бежал с минуту, пока не вымотался и его не схватилась отдышка; тогда мужчина оглянулся и, убедившись, что проклятого ребёнка больше не слышно, выпрямил спину и дальше медленным шагом пошёл по направлению, где уже разгорался, затмевая звёздное небо, город.

Линь Фан шёл к нему, сминая мягкие купюры в своём кармане.

Сегодня мужчина снова собирался навестить бордель.

http://tl.rulate.ru/book/52126/1314768